

ВЛАСТЕЛИН СЛОВА

24 апреля поэту Владимиру Радкевичу исполнилось бы 85 лет...

автор:
Виталий Богомолов

Поэзия для Владимира Ильича была призыванием и судьбой, и в этой работе он был мастером высокой квалификации, властелином своего слова. Радкевича называют «певцом Урала», поэт посвятил ему немало строк, в которых воспел и Каму, и наш город, и людей труда. Объясняясь через свои стихи в любви к краю, он вливал эту любовь в сердца читателей.

Поэт знал и шумные успехи, и холодное отторжение, и наветы. Но, несмотря ни на что, он отдал поэзии жизнь. А воспринимал жизнь поэт очень обостренно, порой болезненно. И потому она не была у него легкой. Про себя он пишет:

*...Был старомоден, словно фикус в кадке,
Чрезмерно буен. До вина охоч.
Имелись и другие недостатки.
Но даже в эти каверзные дни
Во мне самом, скорбя и согревая,
Горели Мотовилихи огни,
И подступала к сердцу Чусовая!*

В стихах Радкевич описывает сложные и драматические судьбы своих лирических героев. Но не чувствуется уныния и безысходности. Главное достоинство его поэзии — доброта и сердечность, отзывчивость.

Палитра творчества Радкевича широка и богата: он творил в диапазоне от чистой лирики до гражданских стихов, был мастером острых эпиграмм, сочинял «трибунные» вирши к датам и праздникам для передовых страниц газеты. При этом в любом жанре Радкевич был и честен, и искренен, всегда в свои строчки вкладывал талант и душу. Неспроста его имя еще в 1971 году внесено в 6-й том Краткой литературной энциклопедии, чем он заслуженно гордился.

Представляем подборку стихов поэта разных лет.

ОДА УРАЛУ

Урал любовью нашей выбран
Не наугад —

при свете дня.

Он молнией
Из камня вырублен,
Из стали создан
И огня.

В его мартенах сталь варилась,
Которой не было прочней,
И эта прочность

растворилась
В крови сынов и дочерей.
И, может быть,

не потому ли,
Что здесь надежны небеса,
Так доверительно прильнули
К заводам
Синие леса...

У той задумчивой таежности,
У Камы в голубом огне
Уральской нежности,

надежности
Еще всю жизнь учиться мне.

Я чувствую,
как волосы седеют,
Когда их жжет обида и тоска.
Они сначала

тихо холодеют,
А после —
умирают у виска.

Я, верно, в жизни
что-нибудь да значу,

Найду себя —
в грозе или в молве.

Но разве я
по волосам заплачу,

Когда не плачу я
о голове!

Ждали —
к лучшему все переменится,
А друг друга не знали ничуть:
Переможется, мол,
перемелется,
Образуются как-нибудь!
Так и жили, пока были молоды,
В каждой ссоре вина не себя.
Поглядели —
ан, все перемолото:
И любовь, и судьба, и семья.

ВЕЧНОСТЬ НАС ПРИГЛАСИЛА В ГОСТИ

Вечность нас пригласила в гости,
Млечной пылью в глаза пыля...
Но надежды свои и горести
Возложила на нас Земля...
На поэзию опереться
Ей придется не раз в пути,
Чтобы выжить, в рассветах греться,
Чтобы нас же — от нас спасти.
И природы живые лики,
Человечности добрый свет
Всей душевною силой лирики
Ты не раз защищал, поэт!
Не уходит летучим дымом
Все, что в строчках заключено:
Ни друзьям твоим,
ни любимым
В них состариться не дано.

Я жить хочу
в годах пятидесятих.
Хочу бродить,
как в утренних садах,
В тех позабытых, временем распятых
И все же —
вечно молодых годах,
Когда я жил взахлеб,
и днем и ночью
Ощупывая жизни новизну.
И все вокруг
сквозило этой новью
И мартовским намеком на весну.
И вся земля
так зримо и упрямо

Портрет поэта В. Радкевича. Худ. Е. Широков, 1978 г.

Кружилась на весеннем сквозняке...
А я был молод.
И живая мама
Меня встречала в тихом городке.

Я без тебя живу не наяву,
А как мальчишка в ожиданье сказки.
На весь Урал зову тебя, зову —
Аукается где-то в Соликамске.
Легки разлуки — встречи нележки,
Мы просто ждем чего-то
по-апрельски...

Но ты уехала.
И от моей тоски
На сотни верст гудят и гнутятся рельсы!

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму — насыть...
Как в сказке, по грудию каменную,
И трудно мне камень носить.
Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня. **Е**